

Ева Вайт

ОПАСНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ

УДК 82-3
ББК 84-4
В12

В12 **Вайт Е.**
Опасное влечение / Ева Вайт – М.: Литнет, 2026. – 214 с.

ISBN 978-5-524-00873-2

Марина — блестящий хирург, чьё сердце окаменело два года назад, когда бандиты убили ее жениха.

Богдан — бизнесмен связанный с криминалом. Его мир — это холодный расчёт и свинец.

Их пути пересекаются в больнице. Он — её опасный пациент с пулей в животе. Она — его последний шанс выжить. Страсть вспыхивает стремительно и неотвратимо, стирая границы между долгом и запретом. Марина понимает правду слишком поздно, когда уже носит под сердцем его ребёнка, а Богдан снова оказывается на её операционном столе.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00873-2

© Литнет, 2026
© Е. Вайт, 2026

Глава 1. Марина

Моя первая ночная смена выпала на новогоднюю ночь. В клинике доктора Трофимова, я недавно, поэтому кому еще дежурить, как не мне. Я, если честно, не особо готова к такому повороту событий, мы с подругой планировали встречать Новый Год вместе, но, как говорится, выбора у меня нет.

Бегу от остановки к клинике, перепрыгивая через снежные сугробы, словно прохожу полосу препятствий в кромешной тьме. Зима в этом году решила показать характер: суровая, снежная, безжалостная. Холодный ветер больно хлещет по щекам, я кутаюсь в объемный шарф, но он как бумажный щит против этой стужи.

Нога соскальзывает, я задерживаю дыхание, выбрасываю руки вперед, не удерживаюсь и падаю. Ладонями врезаюсь в ледяную колкость снега и больно ударяюсь коленом. Сумка слетает с плеча и беспомощно шлепается в сугроб. Сердце колотится так, словно рвется наружу. Стыдно, обидно, холодно.

Кое-как пытаюсь подняться, но ноги то и дело разъезжаются. Чувствую себя коровой на льду. С пятой попытки удастся подняться и собрать ноги в кучу. Я отряхиваю с перчаток белые хлопья, на брюки даже не смотрю, чтобы лишний раз не расстраиваться, хватаю сумку и снова вперед, уже осторожнее, почти скользя по насту. Только бы не опоздать.

В клинике тепло, как в другом измерении. Резкий контраст с уличной вьюгой заставляет на мгновение застыть в дверях. Сбрасываю налипший снег с ботинок, с куртки ледяные кристаллы, и делаю первый шаг по белоснежной плитке, оставляя грязные следы.

«Ну, здравствуй, новогодняя ночь», – мысленно говорю я пустому коридору. Подхожу к своему шкафчику, вешаю куртку. Руки все еще дрожат – то ли от холода, то ли от адреналина после падения.

За углом слышу шаги. Появляется операционная медсестра

в красном костюме, с кружкой чая в руках. Читаю на ее бейджике – Крупская Валентина Ивановна, ну вот и познакомились.

– Пришла! – улыбается она, а в глазах ее читается легкая жалость. Интересно, не ожидала меня увидеть? – Ну как, новогодняя погодка? – она с сочувствием смотрит на мои грязные джинсы и следы от ботинок.

– Прекрасно, – фыркаю я, пытаюсь отогреть замерзшие пальцы. – Прямо карнавал.

– А у нас тут тепло и тихо, – кивает она на палаты и подхватывает меня под руку. – Все спят. Только аппараты постукивают. Пойдем, чаю налью, согреешься.

В процедурной я быстро переодеваюсь в рабочий костюм: брюки, хлопковую рубашку и зеленый хирургический халат поверх. Застегиваю его одним движением – привычка, отточенная в ординатуре. На голову – чепчик, старательно прячу выющиеся локоны.

– Спасибо, Валентина Ивановна, на чай времени нет, лучше покажите мне палаты, – говорю я, уже проверяя карманы: фонарик, перчатки, ручка. – И готовность операционной на экстренный случай. А с кем я сегодня дежурю из врачей? Кто старший смены?

– Старший смены. – Валентина Ивановна отводит взгляд. – Доктор Петров, он в ординаторской, – будто нехотя протягивает она и покрывается румянцем.

Я иду в ординаторскую и застаю картину маслом: старший хирург Петров, развалившись на кушетке, удерживает в руке фужер. На столе бутылка из-под шампанского и полупустая тарелка с нарезанными апельсинами и бананами. Он что-то бормочет под нос, явно не в себе.

– Доктор Петров? – осторожно касаюсь я его плеча. Он медленно открывает глаза.

– А... новенькая... Приступайте к работе! – еле выговаривает он.

Валентина Ивановна все это время стоит в дверях, наблюдая неудачную попытку разбудить доктора.

– Ну... Новый год все-таки, – пожимает плечами она и смотрит на меня взглядом, уговаривающим пожалеть Петрова. – Он говорил, что сегодня тихо будет.

Голос диспетчера режет тишину, как нож:

– Дежурной бригаде в приемный покой! Поступление: мужчина тридцать восемь лет, пулевое ранение.

Сердце замирает на секунду, потом начинает биться чаще, ровно, четко, по-рабочему. Пулевое. Значит, все серьезно.

Валентина Ивановна застывает в дверях с широко раскрытыми глазами.

– А как же Виктор Петрович? – спрашивает она и тыкает в него пальцем, позабыв, что буквально минуту назад пыталась оправдать его пьянство праздником.

– Готовим первую операционную. Немедленно. Вызывайте анестезиолога, лаборанта, двух санитаров. И разбудите кого-то из младшего персонала – пусть помогают, – твердо произношу я, игнорируя испуг Валентины Ивановны.

Она кивает, еще не совсем отошла от шока, но уже хватается за телефон, профессионализм берет верх.

Бегу по коридору к приемному покою. В голове проносятся протоколы: первичный осмотр, остановка кровотечения, диагностика, решение об операции. Все как в учебнике, только сейчас не учебник.

Двери приемного покоя распахиваются. На каталке крупный мужчина с бледным лицом и в кровавой рубашке. Рядом с ним еще один мужчина – коренастый, в кожаной куртке, с диким взглядом.

– Срочно! Осмотри моего друга! – кричит он, хватая меня за рукав.

Сложно осматривать в почти скрученном положении. Я с трудом выворачиваюсь из стальной хватки и, отстраняясь от него, подхожу к пострадавшему. Давление 85/50, пульс частый, слабый. Рана в области живота, кровотечение обильное.

– Срочно в операционную, – командую я, помогая санитарам развернуть каталку.

Друг раненого встает у меня на пути.

– Постой! Где Петров!? Ты кто вообще такая? – прищурившись смотрит он на меня сверху вниз. – У тебя диплом-то хоть есть?

– Диплом? – холодно переспрашиваю я, скрывая растерянность и не отводя взгляда. – Сейчас он вам понадобится меньше, чем скальпель и кровоостанавливающие. Ваш друг теряет кровь, если сейчас я его не прооперирую, он умрет.

Он пытается схватить меня за халат, но я резко отступаю.

– Если мой братан умрет – тебя в этом городе больше никто не найдет. Поняла, кукла? – наступает он на меня и приближается так, что его лицо в сантиметрах от моего. Его дыхание пахнет перегаром и агрессией. Валентина Ивановна замирает у стены, а санитары опускают глаза, ожидая не моих инструкций, а его разрешения на необходимую для друга операцию.

Ненавижу Бандитов! Но я обязана спасти жизни, даже таким, как они!

Я вскидываю подбородок, делаю глубокий вдох, чтобы набраться решимости и с вызовом смотрю другу пострадавшего прямо в красные от ярости глаза, цедя сквозь зубы:

– Угрозы оставьте для уличных разборок. Здесь – больница. Если вы сейчас не отойдете, ваш друг умрет у вас на глазах. И это будет на вашей совести.

– Закончив тираду, я поворачиваюсь к бригаде и, подавляя дрожь в голосе, командую им, – В операционную, Немедленно!

Глава 2. Марина

В висках стучит кровь, пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки. Вспоминаю такие же искаженные ненавистью лица тем вечером. Темная улица, крики, кровь на асфальте и Вадим. Уже не дышит.

Глотка сжимается от кома. Ненавижу их. Ненавижу каждого, кто смотрит с такой же жестокостью в глазах.

– Подключаем инфузию, готовим наркоз, – твердо отдаю я указания несмотря на внутренние протест и презрение.

Стоп. Выключить все эмоции. Я – врач. Я мысленно нажимаю на невидимый тумблер, и все боль, ярость, темная улица, Вадим, исчезают и становятся неважными. Остается только операционное поле, инструменты, показания мониторов и мужчина, в котором я вряд ли узнала бы бандита в обычной жизни, если бы не пулевое ранение.

– Разрез.

Я вижу поврежденную артерию и действую на автомате точными, выверенными движениями без намека на дрожь.

– Зажим. Отсос, – мой голос звучит, как запись диктофона – так же ровно и безэмоционально.

– Пульс стабилизируется, – доносится от анестезиолога.

Киваю, не отрываясь от раны. Сознание сузилось до размеров операционного стола. Есть только здесь и сейчас. Есть только долг.

Я аккуратно углубляю разрез. Ткани расходятся, обнажая пулю, что привела его на этот стол. Пинцет. Гулкий звон от пули, прыгающей в медицинской ванночке. Струйка солевого раствора вперемешку с остатками крови. Я уверенно зашиваю артерию, отточенными за три года практики движениями, и случайно скольжу взглядом по лицу пациента – ухоженная двухдневная щетина, опущенные уголки губ, морщины застывшие над переносицей даже в расслабленном состоянии. Красивый зараза. Жаль, что бандит. Был бы

нормальным человеком – влюбилась бы без оглядки.

– Операция завершена. Передаем в реанимацию, – командуя я, подавляя желание разглядывать его дальше.

Дверь операционной закрывается за спиной, я делаю глубокий выдох, стягивая с головы шапочку. Тут же на меня налетает неадекватный мужлан, с щелями вместо глаз.

– Жив? Говори сразу, жив?! – кричит он прямо в мое лицо, обдавая прокуренным дыханием. Его пальцы больно впиваются мне в предплечье.

– Отпустите меня! – Требую я ровно, но внутри все сжимается. – Он в палате интенсивной терапии. Операция прошла успешно.

– Какого хрена меня не пускают к нему? Мне надо убедиться!

Я стою неподвижно, смотрю в его глаза без тени колебания и лишь дрожь в коленях напоминает, как дорого мне стоит эта показная уверенность.

– Потому что реанимация это не проходной двор. А теперь пропустите, у меня другие пациенты. – холодно чеканю я каждое слово и отшатываюсь, высвобождая руку.

Прохожу мимо, чувствую его прожигающий спину взгляд полный ненависти. Каждый мой шаг, как по лезвию, но спину держу прямо, не поддаюсь панике.

Только когда поворачиваю за угол, прислоняюсь к стене и на секунду закрываю глаза. Дышу так глубоко, пытаюсь заглушить нарастающий грохот в висках, что кружится голова. Холод стены проникает сквозь халат, но внутри пожар. Все тело напряжено до предела, в горле стоит ком, дыхание сбивается, несмотря на все усилия.

Когда я возвращаюсь в приемное отделение, сразу подхожу к стойке и опираюсь на нее так, чтобы со стороны никто не увидел, как дрожат руки.

– Полицию вызвали? – спрашиваю я.

Медсестра замирает, округлив глаза. Ее взгляд скользит за мою

спину, и я чувствую подвох еще до того, как слышу уверенные шаги. Мужлан подходит сзади и тяжело дышит в мой затылок.

– Никакой полиции! – рычит он, а администратор – Катя кивает, испуганно мигая. – Слышишь, – шепчет он уже мне в ухо. – Я сам все улажу.

Внутри все сжимается в тугой узел. Гнев поднимается по горлу, горький и знакомый.

– Уберите руки! – чеканю я, скидываю его ладонь одним движением и поворачиваюсь к нему лицом. – И вызывайте полицию! – это уже приказ, брошенный через плечо, медсестре. – Вызывайте полицию, или я сделаю это сама! – Повторяю тверже.

Он отступает на шаг. Не от страха, а от ярости, что его посмели послушаться.

Салют озаряет ординаторскую и рисует на стенах сине-красные узоры, я сижу на свободной кушетке сжимая кружку с горячим чаем. Новый год – праздник, до которого мне, как до луны. Кружка обжигает пальцы, но я не отпускаю, эта боль хоть немного возвращает к реальности.

Виктор Петрович продолжает спать, а во мне нарастает желание, вылить ему на голову графин с водой. Пусть просыпается и сам решает все проблемы с этими бандитами. Потому что полиция как приехала, так и уехала, окинув меня напоследок уничтожающим взглядом. Хорошо еще, что штраф за ложный вызов выписывать не стали «в честь праздника».

На коленях история болезни, надо бы заполнить. Взгляд падает на строки с семейным положением – холост. Калашников Богдан Александрович.

Встаю, поправляю халат и иду в реанимацию, проверить Богдана Александровича. Приоткрываю дверь, он лежит неподвижно, аппараты мерно пищат. Беззвучно я подкрадываюсь к его койке и несколько мгновений разглядываю его спокойное лицо, сейчас оно мягче. Протягиваю руку, осторожно касаюсь его пальцев. Они

холодные. Проверяю пульс, задержав пальцы на запястье больше нужного. Не понимаю, почему я так делаю, возможно потому что Богдан мой первый пациент, которого я оперировала сама. Его веки подрагивают перед тем, как открыться.

Его взгляд лениво фокусируется на мне. Серый, глубокий, еще мутный от наркоза, но уже осознанный. И под этим взглядом я не могу двинуться и продолжаю касаться его пальцев.

Он прищуривается, моргает, и наваждение тут же спадает с меня. одергиваю руку и отпрыгиваю на шаг, собирая все свое достоинство в кулак.

– Операция прошла успешно, – говорю я твердым голосом хирурга, который несколько часов назад руководил сложнейшей операцией. – Ваше состояние стабильное.

Прячась от его пристального взгляда, я отворачиваюсь к мониторам, будто проверяю жизненные показатели хотя прекрасно помню все цифры. Профессиональная дистанция тает с пугающей скоростью, чувствую себя снова практиканткой.

– Медсестра будет наблюдать за вами, – произношу я уже у двери и выхожу.

Первая ночная смена заканчивается. скорее переодеваюсь, но не успеваю уйти. Главный врач приехал в клинику и вызывает меня и Виктора Петровича на ковер.